

АЛЕКСАНДР НУРИД: ГОРЕЦ НА СЛУЖБЕ ИМПЕРИИ

Ю.Ю. КАРПОВ

Вопрос взаимоотношений большого государства, государства-завоевателя с покоренными народами, интересный в разных отношениях в каждом конкретном случае, для российско-кавказских отношений по-особому актуален, так как исторический аспект здесь очень часто и едва ли не напрямую пересекается с аспектом современным. Публицистика, СМИ, да и сама жизнь регулярно выводят его на поверхность. Наука достаточно активно соучастует в обсуждениях, предлагая те или иные интерпретации данного вопроса в «академическом» ракурсе, которые, тем не менее, целенаправленно либо обиняком, но в общем контексте оказываются в резонансе со «злобой дня». Так, «теория» «российской» и «совместничества» в истории взаимоотношений горцев Кавказа и России В.Б. Виноградова [1 и др.], имеющая целью внесение умиротворения в сознание современных «разноплеменных» людей нивелированием исторических ран, подчеркиванием совместного созидающего прошлого, как может показаться ни странным, его учениками подкрепляется активной разработкой темы природного хищничества горцев, проецируемого из XIX века в настоящее время [2; 3]. Историк Кавказской войны XIX в. (конечно – истории российской армии в данной войне) заявляет, что всем, кроме военного конфликта в отношениях между Россией и народами Северного Кавказа в первой половине указанного века, можно пренебречь [4, 15]. Кавказовед, проникшийся идеями ориентализма, утверждает, что «изобретенный» европейской наукой и политической практикой великих держав Нового времени Восток обрел в России

«плоть» в первую очередь в лице кавказцев, и в результате местная сельская община, адатные суды и др. были якобы изобретены для «горцев-мусульман» чиновниками и учеными пред- и послереволюционного времени [5, 126-130]. В свою очередь среди современных интеллектуалов-горцев тема колониальной политики России на Кавказе (часто в самых худших ее проявлениях) является одной из главных. Диалог сторон часто выглядит предельно односложным, где рефреном звучит: «Сам такой...»

Представляется, что на деле все было сложнее. А люди, которым по долгу службы приходилось «работать» среди «туземцев», равно как и ученые, преимущественно отличавшиеся гуманистическим настроем в своих исследованиях, мало что «изобретали», оценивая реалии, с какими имели дело, надлежащим, т. е. зримо наблюдаемым им образом. Подтверждением этому в частности являются документы, авторами которых были административные лица малоспокойной в 1860-1870-е гг. Терской области.

Недавно была опубликована «Пояснительная записка», составленная в апреле 1862 г. командующим войсками Терской области генерал-майором Д.И. Святополк-Мирским, в которой он высказал предложения по умиротворению края, в том числе рекомендуя ограничить использование военной силы, а для борьбы с «хищничеством» организовать полицию («внутреннюю стражу») из «туземцев» [6, 200-203].

Я остановлюсь на документах, составленных в это время другим лицом, чином ниже и занимавшим менее значительные должности в структуре власти Терской области. Речь идет об Александре Нуриде, ко-

торый в 1862 г. был назначен начальником Ингушского, а в 1865 г. – начальником Кабардинского округа Терской области.

Немного об этом человеке. К сожалению, немного, так как разыскать обстоятельный сведения о нем не удалось, к тому же биографические данные о нем, представленные в различных источниках, не совпадают.

В Российском государственном военно-историческом архиве имеется «Краткая записка о службе» Нурида, датированная январем 1878 г. [7] Согласно ей, Александр (официально его именовали Александр Александрovich) Нурид «родился 24 августа 1826 г. Из военнопленных горцев. Вероисповедания православного. Воспитывался в доме полковника Бибикова. В службу вступил рядовым в Навагинский пехотный полк в августе 1847 г.»

В некрологе, опубликованном в газете «Терские ведомости» в связи с его кончиной, значатся отличные от указанных сведения. В нем говорится, что Нурид скончался 28 декабря 1880 г. на 48-м году жизни [8]. Соответственно, в это время ему должно было быть 47 лет, а дату рождения следует отнести к 1833 году. Г. А. Кокиев, использовавший ту же публикацию для справки об А. Нуриде, в качестве даты его рождения указал 1832 год, и отметил, что в 1839 г. он был в семилетнем возрасте, при штурме русскими войсками Ахульго, оказался в плену [9, 234].

Далее сведения совпадают.

Ребенка в свою семью на воспитание взял командир Навагинского полка Бибиков. Род Бибиковых большой и известный. Однако в истории рода командир Навагинского полка Бибиков не упоминается. Отсутствует и сама история этого полка, так что установить имя данного человека затруднительно. Единственное, что удалось обнаружить в Интернете на сайте Северной Осетии, рассказывающем об улицах Владикавказа и в частности о Навагинской улице, это упоминание о погибшем в 1845 г. у сел. Герзель-аул командире навагинцев полковнике Бибикове (без инициалов), который был похоронен во Владикавказе.

Далее в архивной «Краткой записке» изложен подробный послужной список А. Нурида, и отмечено, что, начиная с 1847 г. и до 1861 г. он регулярно участвовал в походах против горцев. Службу начал унтер-офицером, в 1850 г. «за отличие в делах против горцев» был произведен в прапорщики, в том же году был командирован в 78-й пехотный Навагинский полк, с которым была связана большая часть его военной карьеры, но в разные годы служил также в Тифлисском гренадерском, пехотном Ставропольском полках, а также на Лезгинской кордонной линии. После исполнения обязанностей начальника Ингушевского и Кабардинского округов в 1869 г. вернулся в Навагинский полк уже в должности его командира; в 1873 г. стал воинским начальником укрепления Воздвиженского (располагавшегося в Чечне). В 1877 г., после успешных действий по подавлению восстания в Чечне, был произведен в генерал-майоры с назначением «состоять в распоряжении» главнокомандующего Кавказской армией. На момент составления «Записки» генерал-майор получал в год 1524 руб. жалования и 690 руб. квартирных, был холост, имущества не имел, и за все время службы «в штрафах и под судом не был». О наградах умалчивается, но отмечено, что ранен и контужен он также не был [7, 5-6]. Скончался А. Нурид в должности командира 2-й бригады 20-й пехотной дивизии [8].

Примечательно, что Александр Нурид, будучи военным, многое сделал на гражданской службе. Это естественно, так как на Терскую область распространялись основные элементы принятого тогда на Кавказе военно-народного управления, и административные должности занимали люди в погонах.

Нурид явился инициатором открытия в Назрани в 1864 г. «двухклассного училища для приходящих мальчиков». Под его непосредственным руководством в Кабарде в 1866-1867 гг. осуществлялась крестьянская реформа, результатом которой стало освобождение представителей зависимых сословий. Историк Г. А. Кокиев, в

сороковые годы опубликовавший подборку документов, связанных с этой реформой, отметил, что А. Нурид был «горячим сторонником» кабардинского дворянства и настаивал на предоставлении феодалам максимальных льгот при осуществлении соответствующих мероприятий [9, 234]. В этой связи надо заметить, что А. Нурид в указанном вопросе, как он сам признавался в рапорте начальству, ориентировался на обычай, бытовавший в Кабарде и предусматривавший освобождение «холопов» за выкуп. Соответствующий «обычай» отличался от Положения 1861 г. об освобождении крестьян в Центральной России, и его применение на Кавказе оспаривалось другими должностными лицами края [9, 134-136]. Впрочем, как отмечал сам Нурид в одном из донесений начальнику Терской области ген. М. Т. Лорис-Меликову, «холопам предложены удобоисполнимые условия и будущность их обеспечена наделом имущества, которое дает средства для первоначального обзаведения хозяйством... Холоп, который на основании народного обычая отходил от своего владельца с сравнительно огромной выкупной платой без ничего, должен быть доволен, если ему дают теперь вместо прежнего ничего весьма многое». Отпущенники, по инициативе Нурида, для «обзаведения собственно-го быта» на шесть лет освобождались от всех государственных повинностей [9, 134, 197].

В целом, нет оснований ставить под сомнение проделанную Нуридом работу по реализации этого сложного мероприятия, в ходе которой он, судя по всему, стремился принимать во внимание разные обстоятельства. Отдадим должное этому человеку за осуществленный им труд, который российское чиновничество, а возможно не оно одно, оценивало достаточно высоко, а именно как «лучший памятник благотворной деятельности этого человека» [8].

В настоящем случае я обращаю внимание на деятельность, которую Александр Нурид осуществлял в Ингушском округе, т.е. в начале своей карьеры администратора довольно высокого ранга. Там он про-

явил себя не только чиновником, но и политиком, стремившимся выстроить гражданский мир во вновь складывавшемся формате северокавказского общества.

1 сентября 1862 г. А. Нурид был «командирован для исправления должности начальника Ингушевского округа», а утвержден в этой должности в ноябре следующего, 1863 г. Во второй же половине декабря 1862 г., т.е. через три месяца с начала «исправления должности», с его разрешения (а возможно, и по его инициативе) в Назрановском обществе произошло собрание местных авторитетных лиц, посвященное «изменению обычая», что было зафиксировано в документе [10].

Во вводной части этого документа говорилось: «Вполне сознавая несообразность с понятиями настоящего времени многих из существующих у нас, в Назрановском обществе, обычаяев, и вред их для общества, мы ныне, 21-го Декабря 1862 года, с единодушного согласия в общем собрании, с разрешения Начальника Округа, определили сделать нижеследующие изменения».

Здесь нужно отметить, что «изменения вредных обычаяев» при упрочении российской власти в туземных провинциях Северного Кавказа в это время были обычной практикой. К подобному призывал и осуществлял во вверенном его управлению Осетинском округе Мусса Кундухов (осетин-мусульманин, большей частью известный как один из организаторов и активный исполнитель массового переселения горцев в Османскую империю). В преамбуле своего обращения к землякам Кундухов говорил: «Вступая в управление вами, я, посвятив себя постоянной заботливости и попечению о благосостоянии вашем, будучи одноземец ваш и зная хорошо все ваши народные обычай, я нахожу их несоответствующими духу настоящего времени, очевидно для вас же самих обременительными и разоряющими домашнее благосостояние, также поддерживающими вражду, вместо доброго и Богом любимого согласия, как самого основного начала благоденствия народов, верующих единому Богу» [11, 56].

Схожие формулировки Александр Нурид использовал в своем рапорте на имя начальника Терской области, датированном летом 1864 года. Они будут приведены ниже. А сейчас перечислю главные вопросы, которые решались на этом собрании. Они были типичными для подобных мероприятий, ибо происходили в горско-кавказских обществах под надзором российской администрации.

В основном они касались преступлений уголовного характера: «Убийство и нанесение ран», «Кровная плата», «Дела о нанесении ран безувечья», «Дела о воровстве» и др. [10, 21об.-23об.]

Помимо преступлений уголовных на собрании обсуждались и дела гражданские. Относительно брака говорилось, что «с нынешнего... времени первым и непременным условием брака полагается: свободная воля и непринужденное согласие не одного лишь мужчины, но и женщины, выходящей в замужество» [10, 20-20об.].

«Об отношении детей к родителям. Обычное право взрослых сыновей отбирать от отца имущество при жизни его и вопреки его желанию, а равно и оставлять престарелых отца и мать без всяского признания и даже прогонять их из дома, ныне уничтожается» [10, 23об.-24].

Данная «статья» решения народного собрания – фиксация вполне неожиданного прежнего положения дел в семейных отношениях у народов Кавказа. «Неожиданного» в свете трафаретных представлений о якобы безусловном почитании горцами старших и родителей по исконному народному обычаю. Впрочем, удивляться особенно не приходится, так как схожие примеры в Дагестане в начале XX в. фиксировал Гамзат Цадаса [12, 60].

Документ был подписан главными аульными старшинами, аульными муллами, почетными стариками, членами участкового и окружного народного судов и, наконец, начальником округа А. Нуридом [10, 20-24].

Повторю: скорее всего, подобные акции были предписаны всем лицам, исполь-

нявшим должности начальников «туземных» округов покоренного края.

Что еще значимое следовало в деятельности А. Нурида после обретения им этой должности?

Менее чем через два года после начала исполнения должности, а именно в июне 1864 г., А. Нурид отправил начальнику Терской области рапорт «О мерах, принятых в течение 1863 и 1864 гг. в управлении Ингушевского Округа для возможного благоустройства в среде туземного населения». Описанию предпринятых властью конкретных мер предшествовала эмоционально изложенная вводная часть.

«Сознавая, что благосостояние общества неразрывно связано с степенью нравственного развития, выражающегося в формах его быта, нравов и обычаев, я, с первого же времени своего нынешнего назначения, сосредоточил все свое внимание на общественный быт туземцев и моею главною заботою служило возможное смягчение их варварских обычаев. Они тормозили дальнейшее саморазвитие туземцев и служили физическим препятствием к благоустройству туземного населения округа.

Гибкий нрав туземцев, весьма способный применяться к требованиям времени и обстоятельств, и, вместе с тем, характер упрямый при малейших насилиственных мерах, с какими благодетельными результатами не были бы оне связаны, природные свойства ума, далеко опередившие их нравственные качества и, в особенности быстрая сообразительность и явное понимание личной и общественной материальной пользы, – все это указывало на те меры, которые вели к достижению предложенной мною цели.

Без малейших побуждений, одними лишь беседами с доверенными людьми в обществе о вреде существовавших в нем обычаев и возбуждение в влиятельных людях полного сознания этого вреда и нравственного почетного долга служить обществу, быть главными проводниками всего лучшего и полезного для него, было подготовлено общественное желание об изме-

нении варварских обычаев, которые, при всей своей нелепости и грубости, глубоко сидели в убеждениях народа и освящены были закоренелой привычкой и старым временем. Копия подлинного описания измененных обычаев при этом представляется» [10, 7-7 об.].

Далее излагались основные предпринятые А. Нуридом и его помощниками меры по исправлению положения в означенной сфере. В значительной степени они сводились к изменению порядка судопроизводства и исполнения решений суда.

«С учреждением Ингушевского округа, – доносил Нурид начальнику области, – было принято в Управление 34 кровных дела и 143 различного рода тяжбенных между туземцами. Дела эти вели свое начало с весьма почтенного времени и сгруппированная ими переписка обнаруживала их неугомонную живучесть. Понятно, дела эти служили весьма сложной и эластичной пружиной к возбуждению нескончаемых споров и ежедневных назойливых жалоб. В продолжение одного года, благодаря энергической деятельности суда, дела эти были окончены и претенденты удовлетворены. С решением дел, возбуждавших вражду между туземцами и отвлекавших их от мирных занятий, водворялись в обществе спокойствие, доброе согласие, тишина и порядок. Опыт доказал мне, что неотлагаемое и быстрое решение дел между туземцами должно служить главною заботою туземных правителей для предупреждения целого ряда последующих преступлений, исходящих большою частью из самых незначительных ссор и простых недоразумений... Одной из самых главных причин медленности судебного делопроизводства была уклончивость тяжущихся от явки в суд. Сотни предлогов, самых изворотливых, представляли ответчики для оттяжки дела. В таких нескончаемых отсрочках проходили месяцы и года, нарастала нетерпеливая ненависть исчиков, которые в таком положении находили предлог к легкомысленному, но поощряемому сомнению в силе начальства; неуловимая же ответная сторона в душе глумилась над его великодушною

снисходительностью. Отсюда прямое следствие самоуправство и длинная нить новых варварских преступлений.

Приказ по округу: «За первую неявку в Управление виновный подвергается штрафу 5 руб., за вторую – 10, за третью – 15, а в четвертый раз дело решается по показанию одной стороны – поставил тяжущихся туземцев в весьма неприятную крайность. Не явиться в суд четыре раза значило подвергнуться трем штрафам и потерять дело без всякой защиты. На первый раз штрафы действительно поступали в управление, но так как никакие ухищрения и просьбы не могли спасти виновных от взысканий, штрафы за неявку почти прекратились и водворилась точная исполнительность по вызовам. На этом история не кончилась: поставленный в крайнюю необходимость являться в суд к первому требованию, туземец изобрел новое средство уклониться от решения дела: является в суд к назначенному времени и в присутствии исчика объявляет о своем нежелании отдать дело на разбор (здесь и ниже подчеркнуто в оригинале. – Ю. К.). Так как подобное объявление равнозначно с отказом от законного удовлетворения, виновного заарестовывали в надежде угомонить его упрямство, но проходили недели и месяцы... Туземное упрямство наполняло собою тюрьмы, вероятно рассчитывая, что ничего нет вечного, а дело не подвигалось, и исчики приносили жалобу за жалобой во все инстанции народного управления. Применение того же распоряжения, что и за четвертую неявку в Управление, сломило упрямую волю тяжущегося туземца. Вызванному в суд ответчику объявляют, что при нежелании его передать дело на разбор, решение немедленно последует по показанию одной стороны. Далее, снимают показание с истца, который не стесняясь совестью и присутствием своего тяжущегося антагониста, не щадит правды и с вымышленными лживыми добавлениями рассказывает о деле. Ответчик с горячим нетерпением ждет окончания речи своего противника. Поставленный в крайность, в случае

упрямства, проиграть свое дело и понести значительный убыток и, кроме того, выведенный из терпения сложными показаниями истца, ответчик едва может дождаться минуты, чтобы представить свое возражение и в свою очередь, в отмщение врагу [тяжущиеся туземцы – враги] изобретает самые лживые показания, по видимому, совершенно его оправдывающие. Нередко случается слышать от ответчика: “Все, что показал на меня такой-то, я буквально отношу к нему и жалуюсь суду, прося удовлетворения, больше мне нечего говорить”.

Никакое доброе увещание, никакое устрашение не действует на лживого туземца; слово скользит по нем бесследно, только строгое действие имеет смысл в его глазах. Сколько терпения и труда для расследования подобных дел между подобными тяжущимися. Но дело окончено, объявлено решение его и срок для удовлетворения исчика. Здесь новое, самое большое затруднение: до назначенного к уплате срока, ответчик, для спасения своего имущества от ареста, скрывает все свое наличное состояние и объявляет себя банкротом. Ссылка за долги и неисполнение решения суда устранила и это главное препятствие.

– Во вторых, безотлагательное решение дел между туземцами служит весьма серьезным вспомогательным средством к возвращению тишины и спокойствия в обществе, устраниет повод к нелепым толкам о слабости начальства и следовательно – к вредному влиянию на умы туземцев» [10, 7об.-10об.].

В этом же рапорте А. Нурид докладывал о принятых мерах по «исправлению» положения женщин.

Особо были выделены «дела о следах». Что имелось в виду?

Данные дела сводились к тому, что, по сложившейся практике, в случае исчезновения у казаков скота, последние отправлялись на его поиски «по следам» и, доведя до какого-нибудь аула, «передавали» их местному старшине с возложением обязанности возместить ущерб.

В рапорте по этому поводу говорилось следующее.

«Доведши следы до какого-либо аула, казаки вызывали старшину и почетных аульных стариков, сдавали им след и отправлялись домой. Никакие убеждения жителей, что указанные и едва заметные конские или бычачьи ступни – следы их собственного [туземного] скота, выгоняемого на водопой или на пастьбу; никакие просьбы жителей – проверить сдаваемые следы, т.е. провести их обратно до места, откуда отбит у казаков скот, ничто не останавливало казаков. “Мы сдали вам след и ничего знать не хотим”, – было обыкновенным ответом казаков на все убеждения и просьбы туземцев. За сим, казаки, представив присяжные оценочные листы, получали неимоверно высокую плату, взыскиваемую с туземцев насильственными мерами. Где начало такого решения дел, и чье распоряжение дало его в руководство – я не мог добиться при всем своем старании. Но так как здравый смысл и чувство справедливости возмущались против порядка, который нисколько не исключал злоупотребления одной стороны и не гарантировал интересы другой, я по долгу своему, не мог оставить без внимания дело, которое разрушительно действовало на благосостояние туземцев и неминуемо влекло за собой весьма прискорбные последствия...

Эта общественная кара эксплуатировала туземцев и в будущем грозила им совершенным разорением. Непомерные взыскания с аулов следовали одно за другим, а затруднения в исполнении их, при всеобщей бедности туземцев и, в особенности при неимении денег, возбуждали беспрестанные жалобы казаков и ставили ближайшую исполнительную власть в весьма невыгодные отношения к высшей инстанции. Туземные жители целыми массами являлись в Управление с жалобами и с скрытным ропотом на несправедливые, по их мнению, требования начальства, а постоянный отказ усиливал в них чувства затаенного негодования и ненависти к казакам. В их преувеличенных требованиях туземцы видели право сильного, тем более что никакие клятвенные заверения их о ложных следах и о ложной присяге казаков не име-

ли никакого успеха. Справедливы ли были показания туземцев, или нет, но надобно было выйти из такого крайнего положения дела. Следовало успокоить усиливающийся общественный ропот и убедить туземцев, что взыскания за следы справедливы и неизбежны, как прямое следствие их воровства. Для достижения цели представлялось единственное средство: всякий раз как только доведены следы до известного аула, доказать жителям его, что следы эти действительны и следовательно должны быть окуплены. Моя нижеследующая циркулярная просьба к командирам полков, соприкасающихся с туземными населениями Ингушевского округа достигла весьма благих результатов: «Если у кого либо из жителей будет отбит или угнан скот и следы доведены до какого-либо аула Ингушевского округа, команда казаков, доведшая следы, должна немедленно отправить одного из всадников к Управляющему участком, которому принадлежит аул, и дать ему знать о происшествии. Управляющий участком, а за отсутвием его – исправляющий его должность обязан немедленно отправиться в аул как для того, чтобы удостовериться в действительности доведенных следов, так равно и для тщательного обыска по всему аулу в присутствии самих казаков. За неисполнение всего вышеозначенного удовлетворение не последует».

Далее отмечалось, что распоряжение дало положительные результаты – количество соответствующих дел значительно уменьшилось. «Сведения эти, – подчеркивал А. Нурид, – кроме весьма важного экономического значения, знаменательны в нравственном отношении. Они допускают мысль, что присяга, служащая основанием решения дел о следах, превратилась в орудие для обмана и породила особого рода коммерческий оборот, безнравственный и преступный. До сих пор цена отбитого скота, сомнительные следы коего доводились до известного аула, определялась, как сказано выше, присягой хозяина скота. Из сотни присяг редко какая из них указала цену менее 50-ти руб. за голову, большею же частью присяжная цена лошади от 40

до 120 и более руб., кобылы от 50 до 100, пары быков до 100 и пары бычков до 80 руб., казачий гусь ценится в 1½ руб. сереб. Цены небывалые в крае! Если подобные цены определяются присягой, понятно, что присяга обратилась в одну лишь юридическую формальность, загубив свое высокое значение. Для казаков расчет ясный: не присмотреть за вещью, бесконтрольно сдать сюда ее в ближайший аул и получить соблазнительную двойную или тройную плату. Не следует забывать, что в этой общественной аульной плате участвуют все невиновные жители. Подобные поборы, подрывая благосостояние туземцев, вредно действуют и на нравственность самих казаков: непомерное вознаграждение, исключая всякую заботливость беречь свою собственность и следовательно ценить свой честный труд, ведет к барышничеству. До какой степени в делах христиан с туземцами развита ложная присяга, представляю весьма замечательный факт: У крестьянина Светикова в прошлом году отбито 4 пары быков. Ярыч Арчакову приговорено удовлетворить его. Светиков с седыми, почтенными стариками, знавшими его скот, под присягой показал цену каждой пары быков в 200 р. с., всего за четыре пары – 802 руб. Фамилия Арчаковых по неимению денег с большим трудом успела склонить претендента принять плату скотом. Светиков за 4 пары быков получил 24 быка, 3 лошади и 128 руб. деньгами. Целое стадо! Этот резкий пример и не мало ему подобных заслуживает серьезного внимания. Он способен вызвать злобу не только в душе туземца, систематически разоряющего, но и возбудить справедливое негодование в самом кротком сердце человека, совершенно постороннего в делах. Подобная система взысканий, безусловно, ведет к быстрому и полному разорению туземцев. Наконец, отысканы были настоящие правила, утвержденные Главнокомандующим еще в ... году для руководства по делам о следах. Каким образом правила эти, основанные на точном знании местных условий и освященные чувством справедливости и здравым смыслом, могли быть вытеснены

из употребления – мне неизвестно. Подобное явление можно объяснить только совершенным равнодушием к интересам туземцев» местных правителей и действия права сильного» [10, 10об.-13об.].

Судьба «дела о следах» интересна. А. Нурид предложил распространить подобное нововведение на всю область. Начальник ее Михаил Тариэлович Лорис-Меликов инициативу поддержал. Однако скоро с мест, от начальников округов области, от командующего Терским войском стали поступать депеши с возражениями по поводу реализации данного предложения. Аргументировались они ссылками на исправное исполнение аульными старшинами обязанностей по установлению «следов», а также сохранением среди туземцев склонности к похищению скота [10, 27-29, 38об.]. Александр Нурид настаивал на своем: по крайней мере, в 1866 г., уже будучи начальником Кабардинского округа, повторил свое предложение. По архивным материалам не удается проследить его судьбу.

Вместе с тем примечательно и другое. В составленном на имя начальника области рапорте и в целях наведения порядка в округе А. Нурид отмечал необходимость претворения в жизнь дополнительных изменений.

Это:

– ускорение решения поземельных вопросов путем четкой фиксации границ между округами и аулами. «Есть полюбовное распределение между аулами; но это ежегодное полюбовное размежевание вреднее самого враждебного. Всякий год во время пахоты и сенокоса в спорах соседних аулов за землю проходит золотое рабочее время, и весьма многие из жителей остаются без посевов и фуражка. Кроме того, споры эти сопровождаются весьма часто самыми неприятными столкновениями. Обстоятельства эти придают поземельному вопросу весьма серьезное значение и требуют его немедленного разрешения».

– замена чеченских и дагестанских мулл в Ингушетии местными, что должно было, по его оценке, явиться гарантом

«ограждения населения округа от всех религиозных смут... а равно и для охранения жителей от алчных поборов мулл... Но цель эта вполне не может быть достигнута раньше учреждения школы», и потому вопрос о школе значился особо.

– «Докладной запиской за № 89 я просял ходатайства Командующего Войсками об открытии в Назране Школы для обучения туземных мальчиков. Считаю меру эту самою существенною и надежною для благосостояния туземного населения. Все же другие меры, предпринимаемые для развития гражданственности между туземцами, как временные и случайные, не могут достигнуть положительных результатов, тем более, что они прямо зависят от большого или меньшего знакомства с туземцами местных правителей и от больших или меньших способностей последних. В той же докладной записке я просил Начальника области об устройстве в Назране туземного лазарета» [10, 16-16об].

Были изложены предложения по наведению административного порядка и в целом вдоворению общественного спокойствия во вверенном его попечению округе. Это предполагало «выселение чеченцев, проживающих в большом числе в Ингушевском округе, и переселение из Чечни карабулак. Чеченцы, праздно шатаясь и разведя о наших оплошностях как в самих станицах, так и на дорогах, служат опытными проводниками всем хищникам, являющимся в округе из Чечни, наводят их на добычу и скрывают следы их преступлений... Возвращение из Чечни всех беглых, совершивших преступления в Ингушевском округе, и ныне пользующихся неограниченной хищной свободой под покровительством почетных туземцев, состоящих на русской службе. Это феноменальное административное явление парализует все меры, предпринимаемые в Округе к достижению спокойствия и безопасности. В большей части преступлений, по свидетельству лазутчиков, беглые – главные участники действительно: им стоит только перешагнуть за черту округа и они у себя дома, на своей нейтральной земле, без-

наказаны и свободны. Даже кр(епость) Грозная, центр управления Чеченского округа, не лишена исключительных прав нейтральной территории. Все воровства, грабежи и разбои тяготеют к Чечне, как к стране безусловной свободы и спасения... Административную ссылку за воровство и грабежи, принятую в Ингушевском округе, необходимо применить за те же самые преступления и к жителям других округов. Вопрос этот рассматриваю только в отношении к Ингушевскому округу. Его топографическое положение и те особенности, о которых я в прошлом году доносил командующему войсками, представляют немалый соблазн для хищников из всех племен, населяющих область. Если бы всех туземцев, участвующих с ингушами на воровстве и грабежах, не разбирая племени, подвергать ссылке из края, было бы несравненно менее охотников приезжать в Ингушевский округ в гости с приглашением наочные хищнические похождения. Случающиеся ныне в Ингушевском округе грабежи прекратились бы более чем на половину» [10, 17об.-18].

Заканчивался же рапорт такими словами: «Но самой главной и существенной заботой должно быть соблюдение полной равноправности между туземцами и казаками как между подданными одного государства. Преобладание казаков над туземцами преимущественно в отношении местных судебных прав и по взысканиям, служит главным разъединяющим началом. Как право сильного, оно вызывает в покоренном народе дикие страсти и скопляет в душе его затаенную ненависть и вражду к казакам. Я знаю столкновения казаков с туземцами в самом худшем их виде, и убежден, что самая великая проницательность не может ничего выдумать сильнее нынешнего положения дел для окончательного нравственного разъединения туземцев с русскими, если только казаки не будут побуждены изменять свои беспощадные отношения к туземцам» [10, 18об.-19].

Данная формулировка и сподвигла меня написать об этом человеке. Человеке не только «хорошо знакомом с туземным

бытом и пользовавшимся громадным авторитетом в среде горского населения», как было написано в некрологе о нем в главном печатном органе Северного Кавказа той поры, но и о гражданине, который неравнодушно относился к имевшим место в окружающем его пространстве социальным и политическим явлениям. Вполне очевидно, что в его взглядах на действительность отразилось происхождение из покоренных империей горцев. Но в не меньшей, а возможно и в большей степени на них сказалось воспитание и образование, полученное Александром Нуридом в семье полковника Бибикова. И это я хочу выделить. В свою очередь, это должнонести уточнения в представления о том, кто и с какими мыслями осуществлял присоединение Кавказа к России и покорение горцев. К тому же «удачная» карьера А. Нурида («построенная» на соучастии в борьбе с непокорными горцами) свидетельствует о том, что хотя его предложения по умиротворению края не всегда воплощались в жизнь, однако его взгляды разделяли лица из числа персон, занимавших довольно высокие посты. И, судя по всему, они достаточно хорошо знали местную конкретику и не изобретали кавказского Востока. Одновременно следует отметить, что пресловутое «хищничество» горцев имело и другую сторону, обусловленную злоупотреблениями «победителей», так что однозначные оценки к нему вряд ли приложимы.

Автор некролога написал, что Александр Нурид «был наиболее выдающимся и энергичным деятелем в создании реформ, клонившихся к умиротворению края и проведению в жизнь горцев гражданских начал» [8]. Со своей стороны также хочу подчеркнуть стремление этого человека (по крайней мере, на рассмотренном этапе его жизни и общественной деятельности, который относительно хорошо документирован) к достижению некоего гражданского согласия в близком ему и частично подчиненном крае. В этом одновременно сказывались его горское происхождение и российское воспитание. Он был переплетением разных нитей клубка, которым ока-

зался Кавказ для России в XIX столетии. В известном плане это же характеризует и сам порядок взаимоотношений империи с покоренными народами.

Такой клубок взаимоотношений между означенными субъектами сохранялся

очень долго и сохраняется до настоящего времени. И, может быть, в его распутывании сыграют роль, в целом пусть и минимальную, история жизни, общественные взгляды и предложения Александра Нурида.

-
1. Виноградов В. Б. Российскость как основа русско-кавказского совместничества (вводная к дискуссии) // Российскость: понятие, содержание, историческая реальность (на примере Кавказа). Армавир, 1999.
  2. Клычников Ю. Ю., Линец С. И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (исторические очерки). Изд. 2-е, стереотипное/Под ред. и с предисл. академика В. Б. Виноградова. Пятигорск, 2008.
  3. Клычников Ю. Ю. Цыбульникова А. А. «Так буйную вольность законы теснят...» Борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки)/Под ред. и с предисл. В. Б. Виноградова. Пятигорск-Армавир-Славянск-на-Кубани, 2011.
  4. Лапин В. В. Армия России в Кавказской войне XVIII-XIX вв. СПб., 2008.
  5. Бобровников В. О. Изобретение исламских традиций в дагестанском колхозе // Расы и народы. М., 2006. Вып. 31.
  6. Пояснительная записка, составленная командующим войсками Терской области, генерал-майором Д. И. Святополк-Мирским, 6 апреля 1862 г., № 863 // Известия СОИГСИ. 2009. № 3 (42).
  7. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 400. Оп. 9. Д. 15934.
  8. Н. Ф. Некролог А. А. Нурида // Терские ведомости. 1881. № 2.
  9. Крестьянская реформа в Кабарде. Документы по истории освобождения зависимых сословий в Кабарде в 1867 году/Подготовка документов, введение и примечание Г. А. Кокиева. Нальчик, 1947.
  10. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия Алания-Алания. Ф. 12. Оп. 6. Д. 303.
  11. Леонтьевич Ф. И. Адаты кавказских горцев. Материалы по Северному и Восточному Кавказу. Одесса, 1882. Ч. 2.
  12. Цадаса Г. Адаты аварцев о браке и семье // Памятники обычного права народов Дагестана XVII-XIX вв.: Архивные материалы. М., 1965.